

Е.Б. Мезенцева

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ)

Введение

Гендерные отношения в России, как и повсюду в мире, характеризуются высокой инерционностью и укорененностью в национальных и культурных традициях. Сложившиеся к настоящему времени масштабы и формы гендерных региональных диспропорций сохраняют отпечаток тенденций, которые складывались в советское время, хотя 2000-е годы привнесли в сферу гендерных отношений целый букет разнонаправленных изменений, связанных с ростом традиционализма в одних регионах, с растущей модернизацией социальных отношений — в других и с социальной деградацией — в третьих. В этот период в большинстве регионов основные показатели гендерного равенства в целом продолжали усредняться и сближаться, однако гендерное неравенство сохраняется и сегодня из-за высокого уровня гендерной сегрегации в сфере занятости и значительных гендерных диспропорций в оплате труда.

Гендерное неравенство с точки зрения концепции «ресурсного проклятия»

В 2000-е годы выявилась взаимосвязь между индикаторами экономического развития региона и представленностью женщин в сфере политики и управления. В целом доля женщин в региональных органах законодательной власти была тем ниже, чем богаче и крупнее был регион. Таким образом, российская практика 2000-х годов вновь подтвердила вывод о том, что экономический рост сам по себе не является фактором расширения политического участия женщин и/или выравнивания гендерного неравенства.

Одно из объяснений подобного положения вещей дает концепция «ресурсного проклятия». Этот термин был введен английским экономистом Р. Аути для объяснения парадоксального явления — значительного падения уровня жизни в странах — экспортерах нефти в 1970–1980-е годы¹.

Согласно концепции «ресурсного проклятия» высокая обеспеченность страны природными ресурсами и активный сырьевой экспорт оказывают негативное воздействие как на экономику, так и на политическую жизнь страны. В сфере экономики негативное влияние экспорта природных ресурсов находит отражение в:

а) эффекте «голландской болезни», при котором рост прибыли в ресурсном секторе приводит к оттягиванию труда и капитала из производящих секторов экономики;

б) «эффекте прожорливости», при котором экономические агенты стремятся перейти из производящих секторов в рентособирающий сектор.

В сфере политического развития негативное влияние экспорта природных ресурсов проявляется в повышении вероятности инициации вооруженных конфликтов, вызванных борьбой за источники природных ресурсов, в ослаблении политических институтов, в снижении стимулов к демократизации и в усилении авторитарных тенденций в политике с целью обеспечить и сохранить политический контроль над природными ресурсами и сбором ренты.

Для объяснения этих эффектов исследователи выдвигают ряд аргументов:

- экономическая зависимость режима от экспорта природных ресурсов снижает стимулы государства по сбору налогов с граждан, в результате чего падает заинтересованность граждан во влиянии на политический процесс;

- сверхдоходы от продажи ресурсов позволяют политическому режиму увеличивать социальные выплаты и «покупать» политическую лояльность граждан;

- доходы от экспорта природных ресурсов поощряют ослабление демократических институтов контроля;

- экономический рост на основе экспорта природных ресурсов тормозит (а нередко и вовсе блокирует) процессы модернизации, понимаемой как качественное преобразование социальной и культурной сфер, вследствие чего происходит усиление консерватизма в политике и традиционализма в общественном сознании.

Выводы, вытекающие из концепции «ресурсного проклятия», могут быть с достаточным основанием применены и для объяснения особенностей гендерных отношений в России в 2000-е годы на региональном уровне. Именно на эти годы пришелся период максимальных цен на энергоресурсы и наиболее быстрого роста сырьевого экспорта, что создало объективные пред-

¹ *Auty R. Resource Abundance and Economic Development. Oxford: OUP, 2001.*

посылки для отказа от модернизационного сценария в экономике, усиления авторитаризма в политике и традиционализма в общественном сознании.

Как известно, добывающие отрасли экономики в основном используют мужской труд. Соответственно в сырьевых регионах рост зарплаток мужчин создал предпосылки для снижения предложения труда со стороны женщин, поскольку вовлеченность семейных женщин в сферу занятости нередко зависит от доходов других членов семьи. Обратной стороной этих процессов стал отказ от модернизации сферы занятости в связи с отсутствием общественного запроса на модернизацию и неразвитостью институтов политического контроля. Эти параллельные процессы, происходившие в экспортно-сырьевых российских регионах на протяжении 2000-х годов, объясняют наблюдаемую на протяжении последнего десятилетия тенденцию к росту масштабов гендерного неравенства по заработной плате в сырьевых регионах.

В политической сфере концепция «ресурсного проклятия» предсказывает усиление консервативных настроений в политике и традиционализма в общественном сознании. Этот вывод вполне согласуется с эмпирическими данными, показывающими более низкую долю женщин на уровне принятия решений в наиболее богатых и крупных регионах.

Методологические аспекты измерения гендерного неравенства на уровне регионов

В рамках настоящей работы масштабы гендерного неравенства на региональном уровне оценивались с помощью индикатора, сконструированного по аналогии с индексом гендерного неравенства, рассчитываемым Всемирным экономическим форумом (полное название индекса ВЭФ — Global Gender Gap Index).

В 2006 г. Всемирный экономический форум предложил этот количественный показатель для измерения гендерного неравенства и с тех пор ежегодно публикует доклад, в котором приведены значения данного показателя для большинства стран мира и представлены страновые гендерные профили¹.

В зависимости от величины индекса гендерного неравенства составляется рейтинг стран по степени преодоления разрыва между мужчинами и женщинами в обеспечении реальных прав в четырех важных областях:

¹ The Global Gender Gap. Reports 2006–2008. Professor Ricardo Hausmann, Harvard University, Professor Laura D. Tyson, University of California, Berkeley, Saadia Zahidi, World Economic Forum, Geneva, Switzerland. URL: <http://www.weforum.org/en/initiatives/gcp/Gender%20Gap/index.htm>

- 1) *экономическая активность* (оценивается по пяти показателям);
- 2) *образование* (оценивается по четырем показателям);
- 3) *участие в политике и управлении* (оценивается по трем показателям);
- 4) *здоровье и продолжительность жизни* (оценивается по двум показателям).

На протяжении последних лет рейтинг устойчиво возглавляют четыре страны Северной Европы: Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция¹. **Россия** занимает в рейтинге 2010 г. 45-ю позицию, немного уступая Польше и Словении, но опережая Францию и Эстонию. При этом Россия достигла значительного прогресса в плане равноправия полов в экономической сфере (28-е место) и в сфере образования (26-е место), но имеет крайне низкий рейтинг по уровню гендерного равенства в сфере политики и управления (85-я позиция), уступая по этому показателю таким откровенно слаборазвитым странам, как Камбоджа, Мали, Эфиопия, Замбия.

Показательно, что в первой двадцатке лидеров, по версии Global Gender Gap, только одна страна — Норвегия — может быть отнесена к категории серьезных энергоэкспортеров. Между тем в нижней части рейтинга устойчиво расположились наиболее крупные нефтедобывающие страны — Саудовская Аравия, Иран, Оман, Алжир, Нигерия, Катар, Бахрейн, Кувейт, а также ряд крупных мусульманских государств, не относящихся к категории энергоэкспортеров, — Пакистан, Турция, Марокко².

Для целей настоящего исследования мы воспользовались методологическим подходом, предложенным ВЭФ для построения индекса гендерного неравенства по РФ (ИГНР). К сожалению, российская гендерная статистика не позволяет набрать весь перечень индикаторов, необходимых для расчета данного индекса на региональном уровне. С учетом этих ограничений была построена модифицированная версия интегрального индекса гендерного неравенства, включающая как некоторые показатели, используемые ВЭФ, так и некоторые другие, доступные на базе российской гендерной статистики. Структура рассчитываемого нами индекса описана в табл. 1.

¹ The Global Gender Gap. Report 2010. Professor Ricardo Hausmann, Harvard University, Professor Laura D. Tyson, University of California, Berkeley, Saadia Zahidi, World Economic Forum, Geneva, Switzerland. URL: <http://www.weforum.org/en/Communities/Women%20Leaders%20and%20Gender%20Parity/GenderGapNetwork/index.htm>; <http://www.weforum.org/pdf/gendergap/report2010.pdf>

² Очевидно, что этот факт не может быть интерпретирован исключительно как следствие «ресурсного проклятия». Вместе с тем показательно, что по всем международно принятым индикаторам, измеряющим масштабы гендерных различий, позиции богатых нефтедобывающих государств Ближнего Востока остаются практически неизменными на протяжении всего периода измерений (т.е. со второй половины 90-х годов).

Таблица 1. Структура индекса гендерного неравенства (ИГНР) для российских регионов

Частные индексы	Переменные	Источник информации
Экономическая активность	Соотношение уровня занятости женщин и мужчин в возрасте 15–72 года по субъектам Российской Федерации. В среднем за год; в % от численности мужчин и женщин соответствующего возраста	Обследование населения по проблемам занятости
	Соотношение уровня безработицы женщин и мужчин в возрасте 15–72 года по субъектам Российской Федерации. В среднем за год; в % от численности мужчин и женщин соответствующего возраста	Обследование населения по проблемам занятости
	Соотношение удельного веса женщин и мужчин, имеющих среднее техническое, неполное высшее, высшее и послевузовское образование, в % от численности занятого населения в возрасте от 15 лет и старше	Всероссийская перепись населения 2002 г. Т. 3. Образование. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=15
	Удельный вес работающих пенсионеров по субъектам Российской Федерации (в % от общей численности пенсионеров соответствующего пола)	Женщины и мужчины России. М.: Росстат
Благо-состояние	Соотношение средней начисленной заработной платы женщин и мужчин по субъектам Российской Федерации (по обследованным видам экономической деятельности), %	Женщины и мужчины России. М.: Росстат
	Соотношение среднего размера назначенных месячных пенсий женщин и мужчин по субъектам Российской Федерации (в %)	Женщины и мужчины России. М.: Росстат
Политика	Соотношение численности женщин и мужчин среди работников государственной гражданской службы по полу и субъектам РФ	Труд и занятость в России. М.: Росстат
	Соотношение численности женщин и мужчин в составе депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ	Женщины и мужчины России. М.: Росстат
Здоровье	Соотношение ожидаемой продолжительности жизни при рождении для женщин и мужчин по субъектам РФ (число лет)	Демографический ежегодник России. М.: Росстат
	Соотношение численности родившихся девочек и мальчиков по субъектам РФ (вторичное соотношение полов)	Женщины и мужчины России. М.: Росстат
	Соотношение уровня заболеваемости женщин и мужчин алкоголизмом и алкогольными психозами (человек на 100 000 человек населения)	Женщины и мужчины России. М.: Росстат
	Соотношение уровня заболеваемости женщин и мужчин активным туберкулезом (человек на 100 000 человек населения)	Женщины и мужчины России. М.: Росстат
	Соотношение уровня заболеваемости женщин и мужчин наркоманией (человек на 100 000 человек населения)	Женщины и мужчины России. М.: Росстат

Остановимся на некоторых особенностях расчета полученного показателя.

Во-первых, модифицированный индекс гендерного неравенства (как и исходный индекс Global Gender Gap) направлен на измерение *гендерных различий* (gap), а не уровней, достигнутых по каждому отдельному показателю мужчинами и женщинами.

Во-вторых, при конструировании индекса упор сделан на показатели конечных результатов (**outcome variables**), а не на **ресурсных показателях** (input variables).

В-третьих, индекс позволяет получить оценку не только для каждого региона, но и для России в целом, что методологически важно для целей сравнения и мониторинга.

Наконец, в-четвертых, полученный показатель может быть использован как для целей ретроспективного анализа ситуации в области гендерного равенства, так и для проведения текущего мониторинга.

При определении весов отдельных показателей, входящих в итоговый индекс, мы воспользовались подходом, аналогичным подходу ВЭФ, суть которого состоит в определении весовых коэффициентов на основе величины стандартного отклонения, приходящегося на 1 процентный пункт изменения показателя.

По каждому показателю, включенному в индекс, в качестве критерия гендерного равенства принималось равенство соответствующих показателей для мужчин и женщин. Единственным исключением из этого общего правила является частный индекс здоровья, где в качестве критерия гендерного равенства были приняты значения, отличающиеся от единицы. Эти значения отражают биологически предопределенные различия в продолжительности жизни мужчин и женщин и в соотношении численности мальчиков и девочек при рождении. Для двух показателей, входящих в частный индекс здоровья, количественные критерии равенства соответствуют: 1,06¹ — для показателя ожидаемой продолжительности предстоящей жизни и 0,944 — для показателя соотношения полов при рождении².

¹ Это соотношение заимствовано разработчиками **Global Gender Gap Index** из материалов мировых докладов о человеческом развитии ПРООН. При расчете индекса развития с учетом гендерного фактора ПРООН принимает стандарт максимальной продолжительности жизни для мужчин, равный 82,5 года, и для женщин — 87,5 года. Соотношение этих стандартов составляет 1,06.

² Это соотношение основано на среднем нормальном соотношении полов при рождении, когда на 1000 рожденных мальчиков приходится 944 девочки. См.: *Klasen S., Wink C. Missing Women: Revisiting the Debate // Feminist Economics. 2003. Vol. 9. P. 263–299.* См. также: *The Global Gender Gap. Reports 2006–2008. Professor Ricardo Hausmann,*

Отметим, что в наших расчетах есть одно принципиальное отличие от методики, принятой Всемирным экономическим форумом. Оно касается количественного критерия гендерного равенства и его общего понимания. При исчислении индекса **Global Gender Gap** авторы докладов ВЭФ рассматривают как равнозначные два различных типа ситуаций:

- когда в стране имеется равенство женщин и мужчин по определенному показателю (т.е. соотношение показателей равно 1),
- когда показатели женщин превышают соответствующие значения у мужчин (т.е. соотношение показателей превышает 1).

Если по какому-либо показателю женщины имеют более благоприятную ситуацию, чем мужчины (например, в сфере здоровья), то согласно методике ВЭФ соотношение показателей у женщин и мужчин искусственно занижается и принимается равным 1. Такой подход избран авторами докладов ВЭФ с целью привести все четыре измерения неравенства к единой шкале, высшим значением которой является значение 1, соответствующее полному равенству.

При расчетах, проведенных для России, мы сочли нецелесообразным искусственно исключать из рассмотрения те ситуации, где имеет место неравенство в пользу женщин. Соответственно в наших расчетах, как и в расчетах ВЭФ, ситуация полного равенства соответствует соотношению значений отдельных показателей для женщин и мужчин, равному 1, но отклонения показателя от этого значения фиксируют неравенство или в пользу мужчин (если соотношение меньше 1), или в пользу женщин (если соотношение превышает 1). Далее величины отклонений были отнормированы и приведены к общей 100-балльной шкале, где оценка в 100 баллов соответствовала максимальному уровню равенства, а полное неравенство имело значение, равное 0.

Полученные результаты

Полученные в результате расчетов значения позволяют дать количественную оценку масштабов гендерного неравенства в России и построить рейтинг российских регионов по степени достижения равенства полов (табл. 2).

В состав регионов-аутсайдеров вошли крупные промышленные регионы Дальневосточного и Сибирского федеральных округов (Приморский, Забайкальский и Красноярский края, Сахалинская и Кемеровская области).

Harvard University, Professor Laura D. Tyson, University of California, Berkeley, Saadia Zahidi, World Economic Forum. Geneva, Switzerland. P. 4. URL: <<http://www.weforum.org/en/initiatives/gcp/Gender%20Gap/index.htm>>

Это обусловливается в основном низким уровнем гендерного равенства в сфере экономической активности и благосостояния, а также достаточно низкими показателями равенства в области здоровья и долголетия. В Чеченской Республике и в Калмыкии низкие показатели гендерного равенства связаны со значительным отставанием женщин в сферах благосостояния и экономической активности. Наконец, Костромская область и Чувашская Республика оказались в списке аутсайдеров в связи с отставанием по двум направлениям: по равенству в сферах благосостояния и политики (рис. 1).

Таблица 2. Регионы РФ с минимальным и максимальным значениями индекса гендерного неравенства (ИГНР)

Регионы — лидеры по уровню достигнутого гендерного равенства		
Позиция в общероссийском рейтинге	Название региона	Значение ИГНР
10	Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	53,36
9	Ивановская область	53,56
8	Московская область	54,91
7	Республика Северная Осетия — Алания	55,00
6	Кабардино-Балкарская Республика	55,17
5	г. Москва	56,10
4	Еврейская автономная область	58,28
3	Ненецкий автономный округ	62,46
2	Республика Тыва	64,46
1	Чукотский автономный округ	69,39
Регионы — аутсайдеры по уровню достигнутого гендерного равенства		
Позиция в рейтинге	Название региона	Значение ИГНР
83	Приморский край	29,22
82	Костромская область	38,99
81	Чувашская Республика	39,02
80	Чеченская Республика	39,51
79	Республика Калмыкия	39,96
78	Забайкальский край	40,60
77	Красноярский край	40,69
76	Сахалинская область	42,22
75	Кемеровская область	42,39
74	Курганская область	43,11

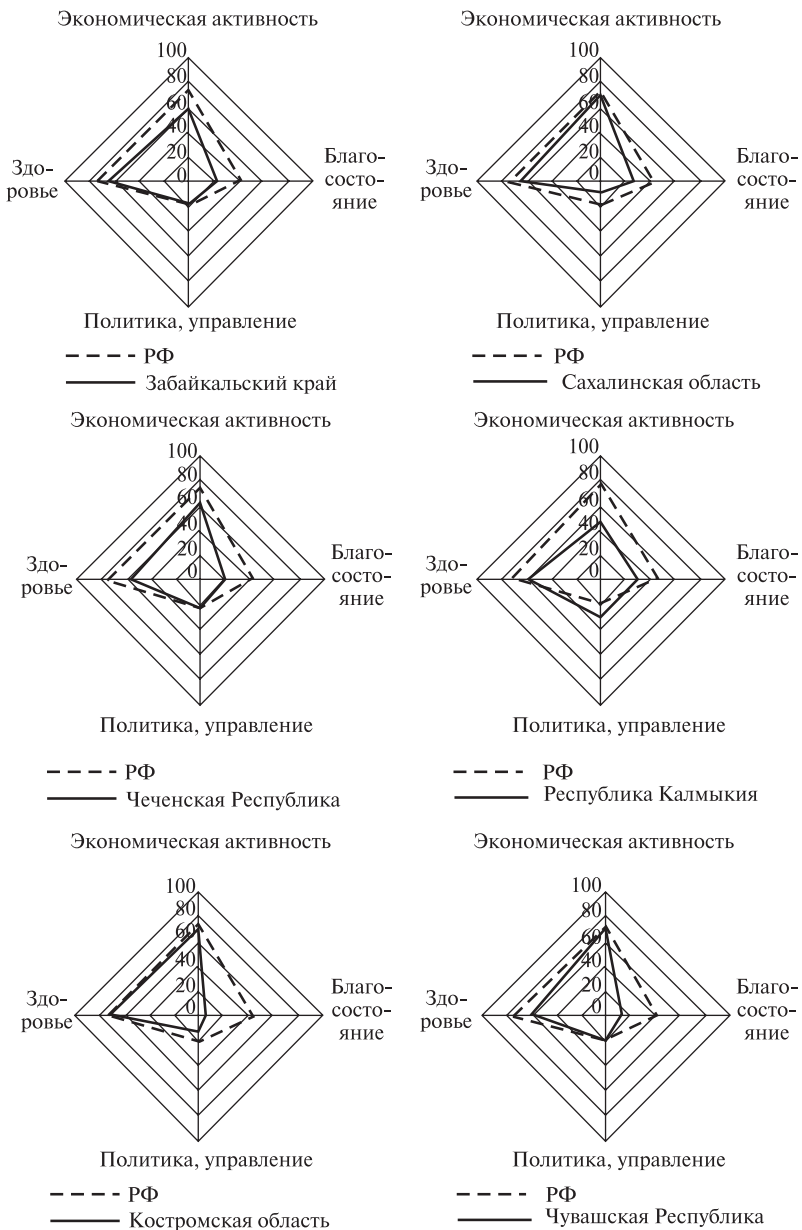

Рис. 1. Показатели гендерного равенства в регионах-аутсайдерах

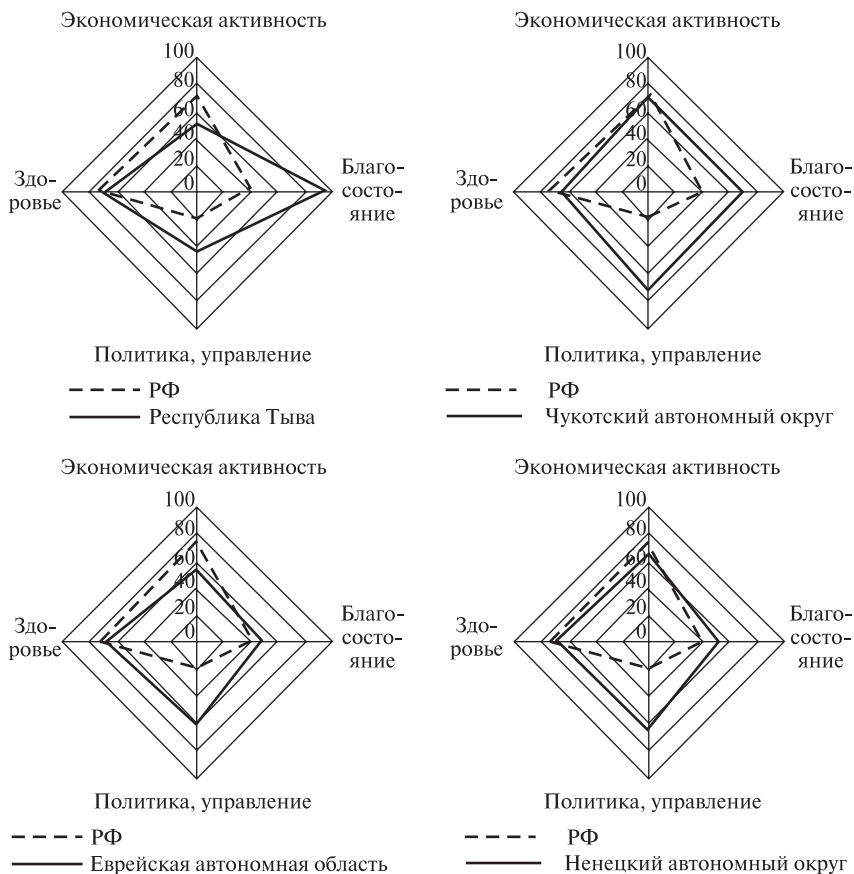

Рис. 2. Первая группа регионов с высокими показателями гендерного равенства

Самые высокие показатели гендерного равенства отмечаются в двух типах регионов. Прежде всего это ряд наиболее слаборазвитых регионов Сибирского, Дальневосточного и Северо-Западного федеральных округов, где имеет место сочетание высокой экономической активности женщин, заметно превышающей общероссийские показатели, и высокой представленности женщин в сфере принятия решений. Так, например, наблюдается преобладание женщин в численности занятых в Ненецком автономном округе и Республике Тыве; гендерный паритет в занятости имеет место в Чукотском автономном округе, Республике Саха (Якутия), в Хакасии, Республике Алтай. В ряде этих

регионов женщины значительно приблизились к мужчинам по уровню начисленной заработной платы (Чукотский автономный округ, Республика Алтай, Республика Тыва). В сфере принятия решений женщины лидируют в Ненецком, Чукотском автономных округах, Еврейской автономной области, причем во всех трех регионах они составляют значительное большинство не только среди гражданских и муниципальных служащих, но и среди депутатов (рис. 2). Отметим, что в этих регионах высокие показатели гендерного равенства обеспечивались на фоне низкого уровня социально-экономического развития

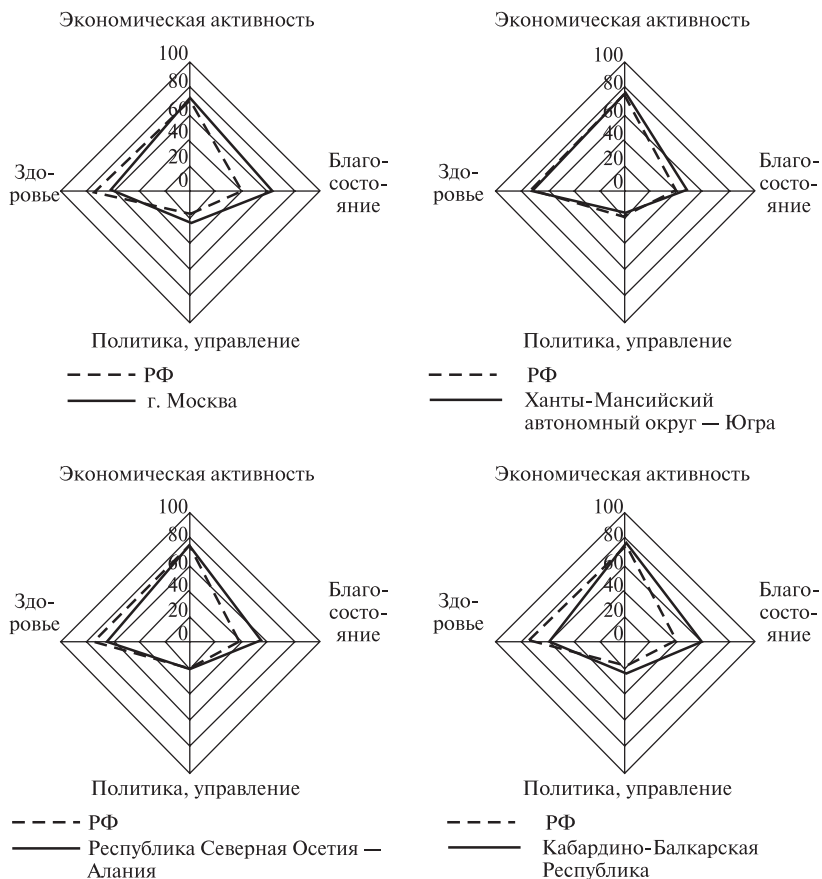

Рис. 3. Вторая группа регионов с высокими показателями гендерного равенства

и трансформации экономической роли женщины в связи с высокой распространенностью негативных социальных явлений среди мужского населения¹.

Другая группа регионов с высокими показателями гендерного равенства представлена столичным регионом и некоторыми областями, непосредственно прилегающими к Москве (например, Ивановская область). Здесь равенство мужчин и женщин обеспечивается преимущественно за счет показателей благосостояния.

Кроме того, в список лидеров по показателю гендерного равенства входит Ханты-Мансийский АО, где равенство достигается за счет высоких показателей экономической активности женщин, а также две республики в составе Северо-Кавказского федерального округа (Кабардино-Балкария и Северная Осетия). В двух последних республиках равенство обеспечивается сравнительно близкими показателями занятости и выравниванием легальных доходов мужчин и женщин (рис. 3).

Выводы

Расчет интегрального индекса показывает, что основные тенденции в области гендерного равенства, которые были отмечены исследователями еще в начале 2000-х годов, сохраняются и поныне. Это касается в первую очередь регионов, характеризующихся наиболее высокими показателями равенства, в число которых по-прежнему входят столичный регион, а также наиболее богатые добывающие регионы — Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Тюменская область, Татарстан. В этих регионах выше стимулы к расширению разнообразия на рынке труда, здесь формируются сегменты рынка труда, предъявляющие спрос на высококвалифицированный женский труд, что оказывает сглаживающее воздействие на гендерные различия в заработной плате и доходах. Кроме того, в регионах указанного типа выше вложения в развитие социальной сферы, здесь быстрее меняется отношение людей к своей жизни, в первую очередь к сохранению здоровья, что также оказывает положительное воздействие на показатели гендерного равенства.

Противоположный полюс гендерного равенства совпадает с зонами экономической и социальной отсталости и бедности и представлен рядом регионов Дальнего Востока и Сибири, где неблагоприятные климатические

¹ Эти явления фиксировались исследователями уже в начале 2000-х годов. См., например: *Зубаревич Н.* Региональные рынки труда России: сходство непохожих // Демоскоп Weekly. № 337–338. 16–29 июня 2008г. URL:<<http://demoscope.ru/weekly/2008/0337/tema01.php>>

условия сочетаются со слабым развитием экономики, стагнирующим рынком труда и широким распространением саморазрушительного образа жизни (в первую очередь среди мужского населения). Следствием этого является расширяющееся замещение женщинами мужчин как на рынке труда, так и в сфере управления и политики, а также заметное сближение зарплаток и доходов женщин и мужчин («равенство в бедности»).

Большинство российских регионов имеют уровень гендерного равенства, в целом близкий к среднероссийским показателям, хотя для разных территорий присутствует разный набор факторов, обуславливающих сохранение гендерных диспропорций. Это подтверждает мысль, что формирование территориального и гендерного неравенства представляет собой взаимосвязанные тенденции, и процесс постепенного сглаживания гендерного неравенства, наметившийся в первой половине 2000-е годов, происходит в настоящее время по различным региональным сценариям.